

ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ СЕЛА: ФЕНОМЕНОЛОГИЯ И ВЕКТОРЫ РОСТА¹

Виноградский В.Г., д.филос.н.,
Виноградская О.Я., с.н.с., РАНХиГС

Статья посвящена обсуждению важной проблемы современной эволюции российской деревни, а именно - проблемам роста привлекательности села. В чем заключается феномен данного свойства поселенческой территории, как сельской, так и городской? Могут ли исключительно одни только формы материально-технической оснащенности и энергетической насыщенности той или иной территории рассматриваться в качестве некоей самоценности и завершенности процесса обживания места, а не выступать как частный случай проблематики иного уровня, обусловленной задачами осуществления человека как творящей целостности? Эти и смежные с ними вопросы рассматриваются в данной статье.

Ключевые слова: привлекательность села, сельские локальности, сельские жизненные миры, сельское семейное домохозяйство, хозяйственные практики, ревитализация, неформальные хозяйственно-экономические практики

ATTRACTIVENESS OF THE VILLAGE: PHENOMENOLOGY AND VECTORS OF GROWTH

Vinogradskiy V. G., doctor of philosophical sciences,
Vinogradskaya O.Ya., senior researcher, RANEPA

The article is devoted to the discussion of an important problem of the modern evolution of the Russian countryside, namely, the problems of growing attractiveness of the village. What is the phenomenon of attractiveness of the settlement territory, both rural and urban? Can only the very forms of material and technical equipment and energy saturation of one or another territory be considered as some self-worth and completeness of the process of settling in a place, and not be a special case of problems of a different level, problems caused by the tasks of realizing a person as creating integrity? These and related issues are addressed in this article.

Key words: rural attractiveness, rural localities, rural life worlds, rural family households, economic practices, revitalization, informal household-economic practices

Введение.

Российская деревня не обладает сегодня свойствами безусловной и универсальной притягательности для повседневного человеческого существования. Она, действительно, «на краю ойкумены». Резоны для довольно скептических оценок касательно состояния нынешних и, в особенности, в отношении перспектив будущих сельских миров в своих основных чертах уже найдены, систематизированы и сформулированы в их определенности. В их составе наличествуют факты ликвидации целого ряда предприятий, связанных с аграрным производством и осуществляющих акции по первичной переработке местной продукции (молокоприемные пункты, молокозаводы, сыроварни, пекарни, крупорушки, местные мельницы, обеспечивающие потребителей мукой различных помолов и качества, а местные домохозяйства — набором элементарных комбикормов, дерти, дроблѐнки и пр.), а также швейных и разнообразных ремонтных мастерских (обувь, металлоремонт, слесарные услуги и т. п.). В результате такой ликвидационной кампании из глубинки постепенно вытеснился значительный отряд работников — носителей, на первый взгляд, скромных и незамысловатых занятий, непременно требующих сосредоточенного опыта, профессий и ремѐсел, которые можно было приобрести только в процессе живого и длительного общения с крестьянскими стариками. Начиная с 1990-х годов, произошло заметное свертывание на селе учреждений

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС 2020 г. — «Неформальная экономика сельских домохозяйств: возможности и ограничения хозяйственных практик в повышении потенциала и общей привлекательности сельских территорий».

социальной инфраструктуры. Это привело к осязаемому оскудению ресурсов возобновления социально-экономической активности населения и, как его неизбежный результат, — усилению привлекательности города как пространства, дающего возможность заняться разнообразными, как сложными, так и рутинными, не требующими специализированной подготовки и высоких профессиональных знаний, видами труда (строительство, ремонт, обслуживание, охрана и т. п.). Таким образом, норма пространственного порядка жизни искажена и требует специальной заботы, в том числе и научной.

Цель исследования.

Формулируя целевую установку исследования, следует исходить из того, что в настоящее время сельские поселения, в их традиционном понимании, как места проживания определенных социальных групп, так или иначе связанных с сельскохозяйственной деятельностью, практически перестали существовать. Многолетний исследовательский, а также экспедиционный опыт авторов дает возможность сформулировать исходные предпосылки самого феномена привлекательности села и попытаться обозначить некоторые траектории дальнейшей трансформации российских сельских миров. Цель исследования заключается в попытке ответа на следующие вопросы. В чем заключается феномен привлекательности села? Как могут выглядеть контуры понимания тех свойств деревни, которые, выражаясь языком А. Пушкина, делают ее «прелестным уголком», придают ей черты очаровательности, заманчивости и приятства? Каковы ближайшие и неотложные способы достижения хотя бы начальных стадий подобного состояния?

Методика исследования.

Методическая установка, принятая в данном тексте, носит философско-социологический характер и придерживается феноменологической аналитической традиции. В исследовательском пространстве сельской социологии существует весьма содержательная позиция, в рамках которой базовые понятийные связки суммарно обозначают тот совокупный объем наблюдаемых вещей, которые рассматриваются исследователями в феноменологической проекции. Примеры: «локальные сообщества», «сельские локальные сообщества», «внегородские локальности», «жизненный мир российских регионов», «жизненный мир крестьянства», «жизненный мир сельчан», «российский сельский мир», «сельский мир». Продуктивность подобного рода аналитической «разметки» в том, что она дает возможность не только панорамного обзора, но и позволяет (когда задействована «полевая социология») достаточно уверенно спуститься к «лицам вещей». Как известно, «феноменология — это искусство видеть вещи в лицо» [1, с. 313]. Работая в пространстве указанных ключевых терминов, исследователь, хочет он этого или нет, вынужден аналитически сближать, в частности, «сельские локальности» и «сельские жизненные миры». Феномен привлекательности села непосредственно входит в перечень указанных аналитических проекций.

Результаты исследования.

К практическим результатам исследования можно отнести вывод о невозможности пролонгации сложившейся на сегодняшний день ситуации в сельской подсистеме общества с ее социально-экономическими практиками в будущих вариантах развития сельских территорий. Разумеется, этот вывод требует развернутого обоснования. Сельскими социологами, а также специалистами по социально-экономической географии (А.И. Алексеевым, А.С. Ахиезером, П.П. Великий, В.Г. Виноградским, Т.И. Заславской, Т.Г. Нефедовой, А.М. Никулиным, В.В. Пациорковским, Н.Е. Покровским, О.П. Фадеевой, Т. Шаниным и др.) были подробно рассмотрены важнейшие линии, определяющие характер и мощь миграции сельского населения, подвергнута анализу ситуация, характеризующая картину размещения трудовых ресурсов на обширных территориях сельского проживания. Были также прослежены разнообразные изменения, которые произошли в сфере занятости в сельском хозяйстве, — в особенности те из них, которые были вызваны значительными трансформационными сдвигами, характерными для первых постсоветских десятилетий.

Результаты исследований позволили исследователям сформулировать выводы, в соответствии с которыми стало окончательно понятно: потоки сельско-городской миграции в

постсоветский период продолжали и усиливали сложившийся в начале 1960-х годов урбанизационный вектор. Причем в тех регионах, которые ощутили наибольшие потери населения, в частности, в Нечерноземной зоне, количественная убыль сельских жителей параллельно сопровождала очевидное падение качества физического и человеческого капитала. Начался отчаянно-стремительный отказ как от базовых, так и вспомогательно-сопровождающих видов сельскохозяйственной деятельности, и как его закономерный итог — сжатие и полное запустение площадей пахотных земель, а также снижение совокупного качества трудовых ресурсов в сельской местности, наблюдаемое в большинстве российских регионов.

«Великое переселение» сельских жителей, — начиная от выпускников сельских школ, уезжающих на учебу или в поисках городской работы, и заканчивая стариками, неохотно, но вынужденно перебирающимися в городские квартиры уехавших ранее детей — спровоцировало систематическую трудовую миграцию из сельской местности. Мужчины молодого и среднего возраста вновь освоили давно, со времен крепостного и пореформенного русского крестьянства, забытый образ и навык повседневного существования — отходный промысел. Доля отходников из сельской местности оказалась особенно заметной в Центральной России, где места их занятости в большинстве своем сосредоточены в крупнейших городских агломерациях, в которых в достаточном количестве имеются разнообразные виды труда и, что существенно, несравнимо более высокие, чем в местах их постоянного проживания, заработки.

Рассмотренная в географической проекции [2], эта картина решительно обновляет исторически сложившиеся контуры сельской местности. Это выражается в том, что и население, и трудовые ресурсы, не покинувшие сельскую местность, сосредоточиваются на небольших, наиболее пригодных для интенсивного ведения сельского хозяйства территориях страны. Они становятся в определенном смысле приписанными к крупнейшим агломерациям. Видимо, сложившаяся ситуация предопределила несколько скороспелый и в целом, как нам представляется, не вполне дальновидный вывод, говорящий о том, что на территории России «в сельской местности проживает сегодня условно лишних 15 млн человек, которые для производства сельскохозяйственной продукции с учетом новых технологий производительности на селе, по большому счету, не нужны» [3]. Очевидную безапелляционность данной оценки несколько смягчает употребленная автором этого тезиса понятийная связка «условно лишних 15 миллионов». При соблюдении научно обоснованных правил освоения и обустройства сельских территорий, в том числе с использованием ресурсов неформальной экономики, «условно лишним» сельским жителям не грозит фатальная перспектива стать окончательно «безусловными».

Следует отдельно подчеркнуть: продолжающиеся и, очевидно, не ослабевающие со временем тенденции преимущественно урбанизационной по своему характеру эволюции социального пространства отличаются стабильностью и устойчивостью. Однако всё чаще можно наблюдать пока что малочисленные, спорадические, подверженные возвратным движениям, но со временем всё более весомые событийные сгущения, суть которых непосредственно соотносится с идеологией дезурбанизационных процессов, уже около столетия остающихся на международной повестке дня. И совершенно не случайно, что городские жители разного достатка и профессиональной подготовленности всё чаще и всё настойчивее начинают «пробовать» село. Пока что переезды в сельскую местность России осуществляются преимущественно с намерениями несельскохозяйственного свойства, в частности, регулярные передвижения сезонных городских дачников в сельскую местность, о чем подробно говорится в недавно осуществленном довольно крупном исследовании [4].

Однако чем дальше, тем отчетливее просматривается тенденция, в соответствии с которой оседающие на селе горожане пытаются реанимировать типовые хозяйственные акции российского крестьянского двора. Причем такая реанимация не является следствием желания обеспечить себя элементарным пропитанием, — горожане, как правило, располагают достаточными финансовыми ресурсами. К тому же в современной деревне торговля продовольственными продуктами в состоянии обеспечить население в круглогодичном режиме. Дело в

том, что традиционные хозяйственные практики семейного домохозяйства, являясь по своей сути достаточно элементарной системой традиционных крестьянских занятий, представляют собой благодарный материал для усложнения и обогащения их извечного технологического схематизма. Идеалы здорового, экологического питания (organic food), потребность в продуктах произведенных методами, которые соответствуют стандартам «органического земледелия», побуждают городских жителей укореняться в сельских сообществах и на собственной земле в буквальном смысле этого слова.

Перемещение жителей деревни из одного жизненного пространства в другое, радикально иное по способам, привычкам и темпам повседневного существования, переезд их в города и пригородные зоны, а также временное (сезонное либо вахтовое) десантирование сельчан ради стабильных и ощутимых приработков — все эти феномены оказываются значимыми не в качестве ситуативных народных инициатив, диктуемых потребностью неотложного экономического ремонта структур повседневного существования сельских жителей. Об этом выразительно свидетельствует факт повсеместности подобных передвижений, наблюдаемых и в депрессивных, и в относительно благополучных сельских регионах. Дело в том, что традиционное производственно-экономическое пространство деревни, сформировавшееся в позднесоветских условиях (возникновение и рост мощности хозяйственных практик колхозно-совхозных институций), произвело на свет необычный и весьма изобретательный в своих действиях симбиотический организм, основными органами которого стали два главных деревенских актора — сам колхоз и отдельный крестьянский двор. Это симбиотическое существование обеспечивало возможности не только элементарного выживания, но и вполне полноценной, достаточной жизни. Именно при колхозах времен Л.И. Брежнева крестьяне смогли реально обновить свои порядком обветшавшие со времен Второй мировой войны жилые дома и хозяйственные постройки, построить отдельные дома для взрослых детей, поголовно обзавестись крупной и мелкой скотиной, бытовой техникой, получили возможность выучить детей и внуков в городских вузах. Начало девяностых годов прошлого века нарушило это динамическое равновесие и наглядно продемонстрировало его принципиальную экономическую бесперспективность и внутренний, каждодневно пропитывающий все без исключения структуры повседневного существования, аморализм.

Коллективные хозяйства вступили в полосу реформирования, в результате чего заметно изменились прежние производственно-экономические характеристики пространства сельской жизни. В частности, произошла радикальная специализация сельскохозяйственного производства, в ходе которой ушли в историю целые массивы вспомогательных, неосновных, укорененных в прошлом, традиционных сельских занятий (промысловых, непрофильных, обусловленных местными условиями — ягодники, пчельники, шелкопрядные производства, сады и парниковые комплексы). Началась интенсивная модернизация основных производственных процессов, была приобретена импортная сельскохозяйственная техника, высвободившая большое количество прежде стабильно занятых в многолюдных колхозных бригадах людей. Стремительно возникли своего рода привилегированные высокооплачиваемые трудовые, гораздо более малочисленные, профессиональные ячейки и группы (механизаторы, операторы сложных доильных установок, администраторы IT-служб и т. д.), войти в состав которых можно было только по рекомендациям, после прохождения специальной подготовки, а также по неформальным связям. Как итог, — на селе возникла качественно новая ситуация, реперными точками которой стали: весьма скудно оплачиваемая и малопрестижная официальная наемная занятость, атрофия прежних семейных хозяйственных занятий, ориентированных на городские колхозные рынки.

Указанные два фактора привели к обрушению привычных симбиотических по их «органике» жизненных порядков. Это существенно усилило мотивацию, хотя и неохотного, но вынужденного расставания с традиционными перечнями и объемами хозяйственных занятий («кому нужна наша домашняя свинина, сливки и творог, если этого добра по дешевке вдоволь в «Пятерочке»»). Данное обстоятельство с новой силой подтолкнуло к переезду на постоянное жительство в города людей молодого возраста («в городе я хотя бы охранником

пристроюсь или в стройбригаду наймусь»). Люди постарше и поопытней, с точки зрения различных профессиональных умений, начали систематически практиковать отходничество. Характерно то, что обозначенные процессы стали типичными даже для благоприятных по части ведения разнообразных отраслей сельского хозяйства, в частности, южнорусских (Кубань, Ставропольский край, Белгородчина) регионов. Даже в тех местах России, где аграрная отрасль экономики заведомо выгодна, прибыльна и перспективна, невостребованность местных трудовых ресурсов — очевидный и массовый факт. И это совсем не удивительно, поскольку для работы в технологически продвинутых агрохолдингах, в изобилии оснащенных новейшей и весьма сложной техникой, большое количество работников не требуется. Существенно затормозить или же развернуть вспять миграционные движения сельчан в города не представляется возможным с помощью принятия лишь административных мер (запретов, ограничений, отказа в трудоустройстве, контроля и пр.). Здесь необходим новый взгляд, иное обоснование и проектирование ситуации, причем непременно не ограниченное рамками конкретной ситуации, то есть специализированное, узкоотраслевое, а напротив, объемлющее, опирающееся на идеалы общечеловеческого порядка, — такое обоснование, основной целью и практическим результатом которого должна стать программа дальновидных организационно-экономических действий, направленных на выстраивание новых порядков жизни на земле, то есть вполне самодостаточных сельских миров.

Исходя из целевых задач настоящего исследования, необходимо самым подробнейшим образом разобраться в следующей проблеме — каковы основные (а также второстепенные, в разных аспектах и направлениях детализированные) как научные, так и организационно-политические представления о том, как должна выглядеть базовая модель привлекательности села (и вообще — деревни, сельской местности, глубинки, периферии, провинции, низовой расселенческой системы).

Если подобного рода представления обрабатываются сознанием в плоскости, так называемого «принятия мер», и выступают, как правило, в виде перечня элементарных технологических действий и сосредоточиваются в основном на оснащении сельских территорий различными видами инфраструктуры (как это предусмотрено программой «Комплексное развитие сельских территорий» на 2020-2025 годы [5], имеющей общегосударственный статус), то это тот уровень осмысления и понимания, на котором проблема привлекательности территории (а ведь по существу данное понятие содержит в себе целый спектр нематериальных, ненаблюдаемых феноменов) не имеет окончательного и полноценного решения. В лучшем случае оно может быть расценено как необходимая промежуточная подоснова будущих, уже гораздо более сложных по составу и целям, действий.

Очевидно, что в данной ситуации необходим переход (на первых порах — познавательный, аналитический) на новый уровень понимания феномена привлекательности территории. Именно такого понимания, в пространстве которого большинство специализированных технологических, носящих преимущественно инфраструктурный профиль, усилий по дооснащению сельской глубинки модернизированными «машинами для жилья» (Ле Корбюзье) окажутся в принципе подчиненными, уведенными на второй план. Кроме этого, эти мероприятия окажутся во многом переосмысленными, — с точки зрения их объемов, видов, функций.

Дело в том, что феномены привлекательности территории (причем территории любого типа и вида — городские, сельские, природные, рекреационные, охраняемые), ее заведомо позитивные качества и свойства начинают (особенно в обстановке нынешней переоценки целого ряда жизненных условий и процедур) измеряться по совершенно иным шкалам, индикаторам и целевым установкам. В частности, формы материально-технической оснащенности и энергетической насыщенности той или иной территории начинают рассматриваться уже не в качестве некоей самоценности и завершенности процесса обживания места, а лишь как частный случай проблематики иного уровня, проблематики, обусловленной задачами осуществления человека как творящей целостности. То есть той, исторически не прерывающейся социально-культурной традиции, в рамках которой идет поиск таких условий и форм

жизненного процесса, которые в состоянии обеспечить подлинную универсальность человеческого присутствия.

Несмотря на то, что проблематика, связанная с вопросами привлекательности сельских территорий, размещается в актуальном общественно-значимом дискурсе далеко не на первых позициях, ее отзвуки непрерывно продолжают наличествовать в коммуникативном пространстве времени. Иногда в довольно причудливых контекстах. Так, возникший не так давно в языке общеизвестный слоган «Москва похорошела» немедленно приобрел в пространстве общения, в частности, в социальных сетях, изрядный налет ироничности. Данное выражение, которое наверняка призвано было суммировать весь грандиозный объем усилий московских властей по наведению столичного лоска, обернулось лингвистической конструкцией, в которой общественный слух тотчас опознал явные сигналы изощенного лукавства и очевидного притворства. Ведь именно на фоне экстерьеров «похорошевшей Москвы» немедленно и контрастно высветились, стали физически осязаемыми факты разобщенности горожан, их неконтактности, заведомой подозрительности, раздражающей суматохи и толчеи их повседневных передвижений, давящей рутины их будничных занятий — как бытовых, так и служебных. Приятная глазу чистота, общая опрятность и «однообразная красавица» (А.С. Пушкин) столичных и других крупногородских пространств, невольно напоминающая лаконичную эстетику партийно-правительственных зданий, интерьеров, сдержанных манер, вплоть до внешнего облика (одежды, причесок, ухоженности) отечественной элиты, — все эти сверкающие декорации вдруг разительно высветили монотонность и социально-культурную запущенность «нутра» городской повседневности. Особенно ярко подобного рода контрасты выходят наружу во время новогодних гуляний — роботизированность и предзаданность праздничных практик, взятых в их как устроительных, так и потребительных проекциях была живописно проявлена в многочисленных потоковых видеотрансляциях и репортажных сюжетах.

Привлекательна ли такая жизненная среда в полном смысле данного представления? Каковым является подлинное качество такой привлекательности? И может ли она выступить в роли фундаментального, включающего в себя фундаментальные бытийные основания, ориентира для реконструкции сельских жизненных миров?

Как нам представляется, именно подобного рода вопросы могут и должны быть поставлены как в самом начале, так и в самом процессе рассмотрения проблематики повышения потенциала и общей привлекательности сельских территорий. И в данном случае не следует ограничиваться одними лишь частно-научными исследовательскими проекциями и, на основе этих соображений, уклоняться от попыток подчеркнутой обобщенности соответствующего анализа, от его, так сказать, «философичности». Именно в данном случае необходимо, как нам представляется, нащупать контуры общей теории изучаемого процесса. И тогда указанная проблематика неизбежно обернется частным случаем именно расширенного, теоретического, философского подхода к обсуждаемой проблеме.

Основные параметры государственных мероприятий, связанных с задачами повышения потенциала и общей привлекательности сельских территорий, в общем виде сформулированы в двух основополагающих документах: «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» [6] (далее Стратегия) и программе «Комплексное развитие сельских территорий» на 2020-2025 годы [5], принятой в 2019 году (далее — Программа). Данные документы, взятые в их содержательной взаимодополнительности, обозначают принципиальные направления в деле целенаправленной реорганизации жизненной среды. Так, разработчики Стратегии, достаточно реалистически констатируя специфику современной ситуации в данном вопросе, отдают себе отчет в том, что «общемировыми тенденциями пространственного развития в начале XXI века являются концентрация населения и экономики в крупнейших формах расселения, среди которых ведущие позиции занимают крупнейшие городские агломерации» [6]. Однако данное обстоятельство не может противоречить и тем более отменять фундаментальные задачи общей ревитализации и дальнейшего развития сельских территорий и, следовательно, повышения их привлекательности, причем в

самом широком истолковании данного понятия, в которое (если иметь в виду семантический размах этого слова) входит весьма широкий спектр представлений — от «заманчивости» и «прелести» до «аттрактивности» и «престижа».

Эти позитивные свойства должны базироваться на солидной социально-экономической и экономико-географической основе. Учитывая данное обстоятельство, Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года предусматривает следующие оценки и позиции: «приоритетами пространственного развития Российской Федерации до 2025 года являются: опережающее развитие территорий с низким уровнем социально-экономического развития, обладающих собственным потенциалом экономического роста, а также территорий с низкой плотностью населения и прогнозируемым наращиванием экономического потенциала; развитие перспективных центров экономического роста с увеличением их количества и максимальным рассредоточением по территории Российской Федерации; социальное обустройство территорий с низкой плотностью населения с недостаточным собственным потенциалом экономического роста» [6]. В Программе эти общие установки приобретают дальнейшую конкретизацию.

Как справедливо отмечает доктор экономических наук, профессор В. В. Пациорковский: «в сложившихся условиях для села опора на собственные силы скорее всего остается основным источником развития» [7, с. 21]. Иначе говоря, речь идет о верной расстановке акцентов в сложном процессе обновления сельской подсистемы общества. Поэтому целый ряд специалистов имеют основания полагать, что большинство политико-экономических и иных институций, как-то: государственных структур, агентов корпоративного сектора, кооперативных образований, практик меценатства, благотворительности, волонтерства и ряд других организационно-управленческих устройств - следует рассматривать как обрамляющие, внешние для специальных и чрезвычайно многообразных, многосложных целей сельского развития.

Следует подчеркнуть, что тезис об «опоре на собственные силы» — это вовсе не свидетельство какой бы то ни было автаркичности сельского развития. Речь идет о решительном и безотлагательном совершенствовании возможностей и механизмов местного самоуправления и, в еще большей степени, — активизации участия граждан, жителей, «хозяев» в различных сегментах сельского развития. Это — действительно важный и вполне осмысленный вектор деятельной активности. И вполне справедлива установка, имеющая место в «Стратегии...» и указывающая на то, что «параметры сельского развития при такого рода ориентации следует истолковывать как совместную деятельность: 1) активных в экономическом отношении владельцев, 2) сообществ самостоятельных хозяев и 3) наличия практик территориального самоуправления во всех значимых аспектах жизни села, а также в согласованном решении проблематичных ситуации местного характера» [6].

Подобного рода позиционирование векторов сельского развития опирается на взаимосвязанное единство трех перечисленных выше составляющих (владельцы, хозяева, практики самоуправления), которые обладают хотя и различными по характеру, но бесспорно продуктивными ресурсом эволюционных процессов, способных определить судьбы российского села. В роли базового, основополагающего, действенного актора сельского повседневного существования должно полагать конкретное сельское домохозяйство. В свою очередь, главу домохозяйства, его фактического хозяина, организатора следует признать в качестве его главного (как физического, так и психоэмоционального) агента продуктивного и целесообразного действия. Цифры, опубликованные в материалах сельскохозяйственной переписи 2016 года, говорят о том, что в сельской России насчитывается более 15 млн сельских домохозяйств [8, с. 92]. Следовательно, перед нами весьма многочисленные отряды людей, способных заняться реализацией задач совершенствования и развития сельских территорий России.

Со времени принятия Программы в нашей стране многое изменилось в сторону востребованности потенциала сельских территорий, чему в последнее время общество в незначительной степени обязано, как это ни казалось противоестественным и ненормальным, драма-

тическому распространению по всему миру инфекции COVID-19. Так, например, по утверждению «Российской газеты» (далее «РГ»): «До трети жителей России после окончания пандемии коронавируса могут перебраться из мегаполисов в загородные территории. Льготная сельская ипотека в настоящее время начала пользоваться буквально ажиотажным спросом у населения. Желающих приобрести под 3 % годовых полноценный дом или земельный участок по объему запрашиваемых финансовых средств сейчас в пять раз больше ранее предусмотренного лимита» [9]. В статье (о ссылке на Министерство сельского хозяйства РФ) сообщается, что льготную сельскую ипотеку, которая была анонсирована в Программе «уже получили жители 35-ти регионов. Кредиты по Программе пока выдает лишь один Россельхозбанк, но аналогичные соглашения Министерство сельского хозяйства подписало со Сбергательным банком, банками “Центр-Инвест”, “Левобережный” и “АК Барс”» [9]. Минсельхоз называет цифру в 41 тысячу заявок на сумму более 91 млрд рублей по программе этой ипотеки, поступивших с начала 2020 года в Россельхозбанк, пока это единственный банк, допущенный к такого рода операциям [9].

Заключение.

Актуальность и научная значимость исследования социально-экономического поведения сельских домохозяйств (начиная с использования традиционных, давно устоявшихся способов хозяйствования и вплоть до внедрения разнообразных инноваций, диктуемых современными технологическими и социально-политическими сдвигами) с течением времени становится всё более осязаемой и настоятельной. Причина этого заключается в очевидной, произошедшей в течение жизни только одного крестьянского поколения, перекройке основополагающих обстоятельств повседневного деревенского существования. Встает очередной исследовательский вопрос: как наиболее продуктивно организовывать изучение и документировать происходящие на селе изменения, связанные с проблематикой хозяйственно-экономических практик в свете перспектив привлекательности сельских территорий? Ответ на него будет дан в очередных публикациях.

Список литературы:

1. Бибихин В.В. Энергия. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2010.
2. Нефедова Т. Г., Мкртчян Н. В. Миграция сельского населения и динамика сельскохозяйственной занятости в регионах России // Вестник Московского университета. – Серия 5. – 2017. – №5. – С. 58-67.
3. Материалы 5-го Общероссийского гражданского форума. - URL: [https:// www. rbc.ru/ politics/25/11/2017/5a19830a9a7947c5662c64fc](https://www.rbc.ru/politics/25/11/2017/5a19830a9a7947c5662c64fc).
4. Между домом и ... домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / Ред. Т.Г. Нефедова, К.В. Аверкиева, А.Г. Махрова. М.: Новый хронограф, 2016.
5. Государственная программа Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий» на 2020-2025 годы. Утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 31 мая 2019 г. № 696.— URL: <http://government.ru/docs/36905/>.
6. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 13 февраля 2019 года № 207-р. — URL: <http://government.ru/docs/35733>.
7. Сельское развитие // Сельские территории в пространственном развитии страны: потенциал, проблемы, перспективы. М.: ВИАПИ имени А.А. Никонова, 2019.
8. Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года. М.: ИИЦ «Статистика России», 2018. - Т1. - Кн. 1.
9. Карабут Т. К селу — не к городу. Российская Газета. 22.04.2020. - URL: <https://rg.ru/2020/04/22/pochemu-v-razy-vyroslo-chislo-zhelaiushchih-priobresti-dom-i-zemliu-poglotnoj-ipoteke.html>.